

ВАДИМ ФАРГ

ПРИЗРАК
МУЗЫКА ДРЕВНИХ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Призрак

Вадим Фарг

Призрак. Музыка Древних

«автор»

2025

Фарг В.

Призрак. Музыка Древних / В. Фарг — «автор»,
2025 — (Призрак)

Моё имя — Владислав Волков. По крайней мере, так написано в документах, найденных вместе со мной в спасательной шлюпке посреди пустоты. Сам я этого не помню. Я не помню ничего: ни своего прошлого, ни корабля «Рассветный Странник», на котором якобы служил. Для всей вселенной меня не существует — ни в одной базе данных, ни в одном архиве. Я — человек-призрак.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вадим Фарг

Призрак. Музыка Древних

* * *

Пролог

Старый грузовой корабль «Полярная Звезда» мерно гудел, вибрируя всем своим потрёпанным корпусом. Он был похож на уставшего, но очень упрямого шмеля, который тащит свой груз, несмотря ни на что. Здесь, на капитанском мостике, в воздухе смешались запахи озона от систем жизнеобеспечения, крепко заваренного чая и едва уловимый аромат машинного масла. Для горстки людей, составлявших экипаж, это был запах дома – единственного дома посреди бескрайнего космоса.

Капитан Семён Аркадьевич хмуро смотрел в навигационный экран. Он был коренастым мужчиной за пятьдесят, с красным, обветренным лицом, которое словно высекли из куска астероида. На экране мелькали цифры, сменялись графики и выстраивались траектории полёта, но выражение капитанского лица оставалось неизменным. Это была вселенская скорбь человека, который уже подсчитывал будущие расходы на топливо.

– Опять до самой Цереры пилить, – проворчал он в густые усы, не обращая ни к кому конкретно. – И маршрут-то какой проложили, через три метеоритных потока! Экономят на пошлинах, ироды, а нам потом латай дыры в обшивке. Каждый лишний грамм герметика – это мои кровные!

– Да ладно вам, кэп, не ворчите, – раздался задорный голос с соседнего кресла. Это была Кира Новикова, бортовой техник. Молодая девушка с короткой стрижкой, вечно перепачканными в смазке щеками и озорными искорками в больших глазах. Она с видимым удовольствием стучала по клавишам пульта, внося последние корректировки в работу двигателей. – Зато не скучно будет! Может, поймает какой-нибудь интересный сигнал или наткнёмся на пиратский клад!

– Наткнёмся мы на штрафы за опоздание, Кирочка, – отрезал капитан, хотя в его голосе не было настоящей злости. Он давно привык к её неуёмному оптимизму и даже находил в нём что-то правильное. – Так что перестань витать в облаках и лучше проверь плазменные инжекторы. Ещё раз.

– Уже трижды проверила, Семён Аркадьевич! Всё работает как часы, – с улыбкой отчиталась она. – Наши «старички» ещё всех переживут!

Чуть поодаль, в тени, почти сливаясь с переборками, стояла доктор Лиандра. Высокая, невероятно худая, с кожей, отливающей перламутром в тусклом свете ламп. Она молча просматривала на своём датападе список медикаментов. Её движения были плавными и изящными. Присутствие доктора было почти незаметным, но капитан знал: если на борту что-то случится, именно её холодный, ясный ум и твёрдая рука будут их единственной надеждой.

Дверь на мостик с тихим шипением открылась, и внутрь плавно вкатился Гюнтер. Блестящий, похожий на хромированный самовар на колёсиках, робот-повар с механической точностью подвёз капитану его любимую кружку.

– Ваш чай, мой капитан, – проскрипел он с чудовищным немецким акцентом, который ему достался от старых заводских настроек. – Температура – девяносто два градуса по Цельсию. Заварен ровно три минуты и сорок пять секунд. Идеально для поддержания боевого духа и оптимальной работы вашей нервной системы.

– Спасибо, железяка, – буркнул Семён Аркадьевич, забирая горячую кружку. Он сделал большой глоток и тяжело вздохнул, глядя на россыпи далёких звёзд за обзорным экраном. Впереди была только пустота и работа.

– Только бы в этот раз без приключений, а? – снова проговорил он, словно обращаясь к самому космосу. – Просто довести эту чёртову тушёнку до Цереры, получить деньги и спокойно вернуться обратно. Никаких спасательных капсул, никаких сигналов бедствия, никаких

странных находок в астероидных полях. Хоть один спокойный, до зевоты скучный рейс. Я что, многого прошу у этой Вселенной?

Кира только тихонько хихикнула в ответ, зная, что мечтам капитана о скуке редко суждено сбываться. Семён Аркадьевич сделал ещё один глоток, поставил кружку и, повернувшись к пульту, отдал последнюю команду перед прыжком.

– Ну, с богом. Полетели.

«Полярная Звезда» ощутимо вздрогнула, словно живое существо, и в следующий миг, вытянувшись в тонкую светящуюся нить, исчезла в ослепительной вспышке гиперпрыжка. Корабль уносил свой маленький экипаж навстречу самому невероятному приключению в их жизни. Но они, конечно же, об этом ещё не знали.

Глава 1

Я открыл глаза, но ничего не увидел. Абсолютно ничего. Только густая, вязкая, как мазут, темнота, в которой тонул и растворялся. В ушах стоял низкий, давящий гул, словно я оказался внутри гигантского трансформатора. Тело ощущалось чужим, неподъёмным куском мяса, налитым свинцом. Первая мысль, промелькнувшая в сознании, была на удивление спокойной и отстранённой: «Похоже, это конец. Я умер». Но следом за ней пришла другая, куда более тревожная: «Стоп. А кто такой – я?».

Память была девственно чиста. Ни имени, ни прошлого, ни единой зацепки. Пустота. Будто кто-то нажал кнопку «стереть всё». Я попытался пошевелиться, но тело не отреагировало. Только гул в ушах и непроглядный мрак перед глазами. Постепенно гул начал стихать, сменяясь более различимыми звуками, а темнота – рассеиваться, уступая место мутным пятнам света. Я понял, что лежу на чём-то мягком, а надо мной склонились две неясные фигуры.

– Пульс – шестьдесят ударов в минуту, давление – сто двадцать на восемьдесят. Хотя сейчас в космодесантники записывай, – произнёс приятный женский голос с мелодичными нотками. – Просто поразительно, особенно если учесть, сколько времени он провёл в криокапсуле.

– Поразительно то, что мы вообще решили остановиться ради этой ржавой консервной банки, – проворчал в ответ второй голос, низкий и скрипучий, как несмазанная дверь. – Каждый час простоя – это чистые убытки, Лиандра, понимаешь? Убытки! А нам ещё пилить до самой Цереры.

Я с огромным трудом сфокусировал зрение. Надо мной и вправду стояла женщина. И какая женщина! Невероятно высокая, тонкая, почти эфемерная, словно ивовый пруттик. Её кожа в свете медицинских ламп имела лёгкий перламутровый отлив, а длинные, изящные пальцы сжимали диагностический сканер. Рядом с ней переминался с ноги на ногу коренастый мужчина с красным, недовольным лицом, которое сильно напоминало печёную картошку. Без сомнения, капитан этого судна.

– Он приходит в себя, Семён Аркадьевич, – снова заговорила женщина, которую, как я понял, звали Лиандрой. Она заглянула мне прямо в глаза, и мне показалось, что её волосы в полумраке отсека едва заметно светятся. – Как вы себя чувствуете? Вы помните, кто вы такой?

Я открыл рот, чтобы ответить, но из горла вырвалось лишь невнятное сипение. Язык казался чужим и неповоротливым. Тогда я просто отрицательно качнул головой, и это простое движение отозвалось острой болью в затёкших мышцах шеи.

– Понятно. Ничего не помнит, – спокойно констатировала Лиандра. – Полная ретроградная амнезия. Нужно будет пробить его по вселенской базе данных.

Капитан Семён Аркадьевич скривился так, будто съел кислый фрукт.

– Замечательно! Ещё одна задержка. Ну что за проклятый день! Ладно, доктор, делайте, что считаете нужным. А я пойду, «обрадую» экипаж новостью, что у нас на борту появился безбилетник.

Он развернулся и, продолжая что-то бубнить себе под нос про сорванные графики и огромные неустойки, покинул медотсек. Доктор Лиандра, напротив, ободряюще мне улыбнулась.

– Вы не обращайтесь на него внимания. Капитан у нас на самом деле добрый, просто работа очень нервная. Меня зовут доктор Лиандра. Вы находитесь на борту грузового корабля «Полярная Звезда». Мы обнаружили вашу спасательную шлюпку, дрейфующей в секторе Тау Кита.

Пока она говорила, я лихорадочно пытался ухватиться хоть за что-то в своей пустой голове. «Полярная Звезда». Тау Кита. Эти названия были для меня лишь набором звуков. Я

был чистым листом, новым файлом в теле взрослого мужчины. И, судя по словам доктора, в прекрасной физической форме. Что ж, хоть какой-то плюс в моём незавидном положении.

Прошло несколько часов. Мне стало значительно лучше, я уже мог не только сидеть на койке, но и вполне сносно говорить. В этот момент в медотсек без стука заглянула молодая девушка в замасленном рабочем комбинезоне. Коротко стриженные тёмные волосы, перепачканная машинным маслом щека и большие, невероятно любопытные глаза.

– Ну что, док, как поживает наш найденыш? – спросила она, без всякого стеснения разглядывая меня с ног до головы. – Я прогнала его по всем базам. Результат – ноль. Вообще ничего. Такое чувство, будто он только вчера родился. Ни отпечатков пальцев, ни образцов ДНК, ни скана сетчатки. Абсолютная пустота.

Лиандра удивлённо вскинула свои тонкие брови.

– Такого просто не может быть, Кира. Даже у нелегальных колонистов с заброшенных астероидов есть хоть какие-то следы в системе.

– А вот так, – пожала плечами девушка, которую назвали Кирой. – Зато я не поленилась и кое-что нашла в его шлюпке. Покопалась в обшивке кресла, распоролa подкладку, а там – вот это.

Она протянула доктору небольшой металлический контейнер. Лиандра аккуратно открыла его. Внутри на бархатной подложке лежали несколько пластиковых карточек и какой-то официальный документ с голограммой.

– Владислав Волков, – медленно прочитала доктор, переводя взгляд с документа на меня и обратно. – Приписан к экспедиционному кораблю «Рассветный Странник».

Владислав Волков. Я мысленно повторил это имя. Оно звучало совершенно чуждо, но в то же время... на удивление правильно. Словно давно забытая, но знакомая мелодия из далёкого прошлого. «Рассветный Странник». Ещё одна загадка в мою пустую копилку.

– Что ж, господин Волков, – широко улыбнулась Кира. – Поздравляю! По крайней мере, у вас теперь есть имя. А остальное, может, со временем и вспомнится. Не переживай.

В этот самый момент дверь медотсека с громким шипением открылась, и в помещение вкатилось нечто на колёсиках, оборудованный несколькими манипуляторами. Один из манипуляторов сжимал поднос, на котором стояла миска с дымящейся кашей сомнительного вида.

– Ah, die Prinzessin проснулась! – проскрипел механический голос с чудовищным немецким акцентом. – Йа очень надеюсь, ваш сон был прекрасен, потому что теперь наступило время для arbeiten! Работать, du Faulpelz!

Робот-повар, которого, как я выяснил позже, звали Гюнтер, резво подкатил ко мне и с оглушительным грохотом поставил поднос на прикроватную тумбочку.

– Это есть питательный концентрат номер три! – строго объявил он, помахав в воздухе свободным манипулятором. – Он содержит все необходимые витамины и минералы для скорейшего восстановления вашего хрупкого организма! Кушать быстро! Не отвлекаться на разговоры! У меня строгий график!

Я ошарашенно переводил взгляд с серой каши на этого металлического фельдфебеля на колёсах. Кира, стоявшая рядом, прыснула со смеху, прикрыв рот ладонью.

– Привыкай, Влад. Это Гюнтер. Он у нас на корабле отвечает за питание и поддержание боевого духа. В основном с помощью оскорблений и армейской муштры.

Я неуверенно взял ложку. Каша на вид была, прямо скажем, не очень, но пахла вполне съедобно. Что ж, Владислав Волков. Звучит не так уж и плохо. Уж точно лучше, чем «найденныш» или, не дай бог, «Prinzessin». Похоже, моё новое приключение только начинается. И, судя по этой разношёрстной компании, оно точно не будет скучным.

* * *

Неделя тянулась, как расплавленный сыр. Я без дела бродил по пустым коридорам «Полярной Звезды», пытаясь свыкнуться с новым именем – Владислав Волков. Оно никак не хотело прилипнуть, ощущалось чужим, будто я одолжил его у кого-то. Память ко мне так и не возвращалась, сколько бы доктор Лиандра ни сканировала мой мозг своими причудливыми приборами. Эта высокая, тонкая женщина с перламутровой кожей и светящимися в полумраке волосами каждый раз лишь сочувственно качала головой.

Кира, наш техник, девушка с вечно испачканными в машинном масле руками, в свободное время пыталась меня разговорить. Она показывала мне фотографии звёздных туманностей, рассказывала байки о контрабандистах, но моя голова оставалась пустой. Капитан Семён Аркадьевич делал вид, что меня не существует, но я то и дело ловил на себе его тяжёлый, подозрительный взгляд.

Единственным, кто не давал мне скучать, был Гюнтер. Робот-повар с замашками армейского старшины, казалось, поставил себе цель превратить меня в шар. Каждое утро он подавал мне тарелку питательной каши, похожей на серый клейстер, и не упускал случая съязвить.

– Кушайте, ваше высочество, – скрипел он своим синтезированным голосом. – А то от ветра качает. Не ровен час, сдует в вентиляцию, потом ищи вас по всем фильтрам.

Жизнь на грузовом корабле текла медленно и предсказуемо под монотонное гудение двигателей. Но в один прекрасный день эту сонную рутину разорвал вой сирены. Резкий, оглушительный, он заставил меня подпрыгнуть на койке. Корабль содрогнулся так, что я едва не свалился на пол. Свет моргнул и погас, а через секунду коридоры залило тревожное, красное освещение.

– Внимание всем постам! – проревел из динамиков голос капитана. – Метеоритный поток! Прямое попадание по правому борту, повреждён седьмой маневровый двигатель! Кира, живо в машинное отделение!

Я выскочил в коридор, едва успев отшатнуться от промчавшейся мимо Киры. В её руках был ящик с инструментами, а в глазах – ни тени страха, только стальная решимость. И в этот момент что-то во мне переключилось. Сидеть в каюте, пока другие спасают корабль? Нет уж. Не раздумывая ни секунды, я побежал за ней.

В машинном отделении стоял гул и пахло горелой проводкой. Семён Аркадьевич, мрачный, как грозовая туча, стоял у пульта и раздавал команды. Кира уже колдовала над вскрытой панелью двигателя, из которой вился сизый дымок.

– Докладывай, Новикова! Что там у тебя? – рявкнул капитан, не поворачивая головы.

– Всё очень плохо, кэп, – ответила Кира, пытаясь отсоединить какой-то оплавленный кабель. – Камушек пробил защитный кожух и разнёс в хлам плазменный инжектор. Тут не просто деталь поменять, вся система питания накрылась. Нужно пересобрать цепь вручную, а это... это займёт несколько часов.

– У нас нет нескольких часов! – отрезал Семён Аркадьевич. – Нас стягивает с курса прямо в гравитационный колодец! Ещё полчаса, и нас раздавит!

Я подошёл ближе, заглядывая Кире через плечо. Переплетение проводов, трубок, мигающие датчики... всё это было непонятным, но до странного знакомым. И вдруг в голове будто лампочка зажглась. Я увидел схему. Чёткую, ясную, будто её нарисовали прямо у меня перед глазами.

– Можно перенаправить энергию через резервный контур охлаждения, – сказал я, сам удивляясь своему голосу.

Кира обернулась и посмотрела на меня как на сумасшедшего.

– Что? Это нештатная процедура! Её нет ни в одном руководстве! Контур не рассчитан на такую нагрузку, он просто сгорит!

– Не сгорит, – уверенно ответил я, чувствуя, как руки сами начинают чесаться от желания вмешаться. – Нужно замкнуть плазменный поток напрямую, в обход сгоревшего стабилизатора, и вручную выставить частоту инъекции. Вот тот силовой кабель перекинь на аварийный терминал и задай модуляцию в семьдесят герц.

Слова лились из меня сами собой. Я понятия не имел, что они значат, но был уверен в них на все сто процентов. Кира с сомнением посмотрела на меня, потом на капитана. Тот, сцепив зубы, лишь зло махнул рукой.

– Делай, что он говорит! Хуже уже не будет!

Девушка-техник пожалала плечами и с невероятной скоростью принялась выполнять мои указания. Её пальцы порхали над панелью. Щёлк, щёлк – переключила тумблеры, соединила кабели, как я сказал. Потом замерла, положив руку на большой красный рубильник.

– Ну, держитесь, мальчики, – пробормотала она и с силой опустила рычаг.

Никакого взрыва не последовало. Двигатель коротко чихнул, а затем загудел – ровно, мощно, даже как-то солиднее, чем раньше. Все аварийные индикаторы на панели погасли, сменившись спокойным зелёным светом.

– Работает... – выдохнула Кира, не веря своим глазам. Она быстро пробежалась по датчикам. – Работает! И показатели стабильнее, чем до аварии! Влад... как? Откуда ты это знаешь?

Я лишь пожал плечами, чувствуя себя последним дураком.

– Не знаю. Просто... в голову пришло.

Капитан Семён Аркадьевич подошёл ко мне вплотную. Он долго, очень долго смотрел мне в глаза, изучая, будто пытался заглянуть в самую душу. Затем он хмыкнул, пряча удивление за привычной маской суровости.

– В голову ему пришло... Ну-ну. Волков, значит...

На следующий день капитан отыскал меня в кают-компании, где я безуспешно пытался обыграть Гюнтера в шахматы. Робот просчитывал на двадцать ходов вперёд и комментировал каждый мой ход с нескрываемым презрением. Капитан молча положил передо мной небольшой навигационный пульт.

– Раз ты у нас такой гений, Волков, вот тебе задача. Откалибруй астронавигационный сенсор. Работа нудная, но кто-то должен её делать. Через пару часов жду доклад.

Он развернулся и ушёл, не дав мне и слова вставить. Я вздохнул, взял пульт. Нудная работа, так нудная работа. Но стоило мне включить интерфейс, как пальцы сами заплясали по сенсорной панели. Цифры, графики, звёздные карты – всё это было таким родным и понятным. Вместо двух часов я провозился от силы минут десять. Но когда калибровка была закончена, я заметил кое-что ещё. Курс, проложенный навигатором, был не самым коротким. Сделав пару быстрых расчётов, я понял, что могу «срезать» путь и сэкономить кораблю почти пять процентов драгоценного топлива.

Я нашёл капитана на мостике. Он в одиночестве стоял у огромного обзорного экрана и смотрел на россыпи далёких звёзд.

– Я закончил, – сказал я, протягивая ему пульт. – И ещё, там маршрут можно было немного оптимизировать. Я поправил.

Семён Аркадьевич молча взял пульт. Его глаза быстро пробежались по экрану, потом ещё раз, уже медленнее. Он перевёл взгляд на главный навигационный дисплей, где уже отображался новый, более короткий курс. Потом снова посмотрел на пульт, потом на меня. Его лицо медленно начало приобретать багровый оттенок, совсем как в тот день, когда меня принесли на борт.

– Умники нашлись... – наконец пробурчал он, отворачиваясь к иллюминатору. – Курс он поправил... Механики...

Глава 2

После того случая с двигателем моё положение на «Полярной Звезде» как-то незаметно, но ощутимо изменилось. Я больше не был просто «найдёнышем», которого подобрали из спасательной капсулы. Теперь на меня смотрели иначе. Капитан Семён Аркадьевич, здоровенный мужик с вечно хмурым лицом, перестал сверлить меня взглядом, от которого, казалось, обшивка плавилась. Теперь он просто изредка поглядывал на меня, как на какой-то новый, непонятный навигационный прибор. Словно пытался разобраться, как я работаю и не взорвусь ли в следующий момент.

Кира Новикова, наш техник, наоборот, теперь смотрела на меня с явным любопытством. Она то и дело подсаживалась ко мне в кают-компанию и начинала болтать о плазменных инжекторах, гиперпространственных струнах и прочих заумных вещах. Самое странное, что я, к своему удивлению, начал не только понимать её, но и вставлять дельные комментарии. Откуда это бралось в моей голове – загадка.

Даже доктор Лиандра, наша инопланетная гостья, стала вести себя иначе. Эта невероятно высокая и худая женщина с перламутровой кожей и светящимися в темноте волосами теперь всегда встречала меня лёгкой, едва заметной улыбкой. Будто моя внезапная техническая ода-рённость была хорошим знаком, подтверждающим моё психическое здоровье.

Единственным, кто не поменял своего ко мне отношения, оставался Гюнтер. Наш робот-повар, собранный по старым немецким чертежам, по-прежнему считал меня ленивой «Prinzessin», то есть принцессой. Каждое утро он с непоколебимой педантичностью ставил передо мной миску с отвратительной серой кашей.

– Кушать! – гремел его синтезированный голос с жёстким немецким акцентом. – В вашем организме наблюдается дефицит протеина на ноль целых две сотых процента! Это есть недопустимо! Вы должны быть сильным, чтобы приносить пользу, а не просто занимать полезный объём на моём корабле!

Так и проходили наши дни в относительном спокойствии, пока однажды Гюнтер окончательно не съехал с катушек.

Всё случилось в обед. Мы, как обычно, сидели за столом в кают-компанию, лениво переговариваясь и ожидая, чем нас сегодня «порадует» железный повар. Дверь камбуза с шипением отъехала в сторону, и на пороге показался Гюнтер. Он блестел своими хромированными боками и выглядел как всегда невозмутимо, но что-то в его движениях было не так. Он подкатил к столу и с оглушительным грохотом поставил перед капитаном тарелку с чем-то дымящимся.

Семён Аркадьевич недоверчиво уставился в тарелку. Потом взял ложку, брезгливо помешал варево... и с металлическим лязгом вытащил из него здоровенный шестигранный болт.

– Гюнтер, это что ещё за хреновина? – прорычал капитан, его лицо начало медленно наливаться краской.

– Это есть суп «Индустриальный»! – с неподдельной гордостью отрапортовал робот. – Рецепт номер четыреста двенадцать из моей новой, инновационной кулинарной книги! Богат железом и цинком! Очень полезно для укрепления костей!

Пока мы сидели с открытыми ртами, пытаясь осознать происходящее, Гюнтер подкатил к Кире и поставил перед ней тарелку с салатом. Салат состоял из каких-то серых, рваных листьев, щедро политых тёмной и вязкой жидкостью. От тарелки отчётливо несло машинным маслом.

– Салат «Механический»! – торжественно объявил повар. – Заправка изготовлена на основе синтетической смазки марки «К-17»! Улучшает гибкость суставов и проходимость... внутренних систем организма!

Кира с отвращением отодвинула от себя тарелку.

– Гюнтер, у тебя явный сбой в программе! Ты пытаешься накормить нас запчастями!

– NEIN! – взвизгнул робот так пронзительно, что у меня заложило уши. – Это есть инновационная кухня! Вы, примитивные органические формы жизни, просто не способны оценить всю глубину моего кулинарного гения!

С этими словами он резко развернулся и укатил обратно на камбуз, наглухо заперев за собой дверь. Мы остались сидеть перед несъедобной едой, голодные и злые.

– Ну всё, приехали, – тяжело вздохнул Семён Аркадьевич, отбрасывая болт на стол. – Наш повар спятил. Кира, иди, разберись с этим консервным ведром, пока он не решил приготовить нам десерт из ракетного топлива.

Кира недовольно поджала губы, но схватила свой ящик с инструментами и пошла к камбузу. Однако уже через минуту она вернулась, потирая ушибленную руку.

– Он не подпускает! – возмущённо доложила она. – Забаррикадировался и орёт что-то про «кулинарную революцию». Я попыталась взломать замок, а он шарханул меня манипулятором по руке через сервисный люк!

В животе у меня заурчало. Громко, протяжно и очень требовательно. Перспектива остаться без еды до конца полёта меня совершенно не радовала. И снова, как тогда в машинном отделении, во мне что-то щёлкнуло. Голод – страшная сила. Он, вместе с каким-то странным, необъяснимым порывом, заставил меня подняться с места.

– Я попробую, – сказал я, решительно направляясь к камбузу.

– Влад, осторожнее, он буйный! – крикнула мне вслед Кира.

Я подошёл к двери и нажал кнопку вызова.

– Гюнтер, открой.

– Прочь, du unqualifizierter Esser! (ты, неквалифицированный едок!) – донеслось изнутри. – Йа нахожусь в процессе создания кулинарного шедевра! Не мешать!

Спорить я не стал. Рядом с дверью находилась панель аварийного доступа. Мои пальцы сами, словно вспомнив что-то давно забытое, нашли нужную комбинацию. Крышка отъехала в сторону, открывая путаницу проводов. Секунда – и я разъединил нужный контакт. Дверь камбуза с тихим щелчком отперлась.

Я вошёл внутрь. Гюнтер стоял посреди кухни, размахивая половником, как дирижёрской палочкой, и что-то бормотал на дикой смеси немецкого и технического жаргона. Увидев меня, он ринулся в атаку.

– Halt! Назад! Это есть стерильная зона для высокого искусства!

Я не стал уворачиваться. Вместо этого я сделал шаг вперёд и ловким, отточенным движением, источник которого был мне неведом, нажал на скрытую кнопку у основания его корпуса. Манипуляторы робота безвольно повисли вдоль тела. Он замер на месте, продолжая яростно вращать оптическими сенсорами.

– Was ist das?! Что это такое?! Мои манипуляторы! Йа обездвижен! Это есть саботаж! Государственный переворот!

Я проигнорировал его истеричные вопли. Оглядел камбуз. Запасы были, мягко говоря, не очень: несколько картофелин, луковица, пара банок с мясными консервами и какие-то сушёные овощи в пакете. Негусто. Но в голове уже сам собой рождался рецепт. Руки сами потянулись к ножу и разделочной доске.

– NEIN! – заверещал Гюнтер, наблюдая, как я чищу картошку. – Картофель нужно резать строго кубиками по восемь миллиметров! Не семь! Не девять! Acht! Du unqualifizierter Dilettant! (ты, неквалифицированный дилетант!)

Я молча продолжал работать. Нарезал лук, бросил его на сковороду. По камбузу разнёсся приятный шипящий звук и аппетитный запах.

– Неправильная температура! – не унимался робот. – Лук потеряет все свои полезные свойства! Das ist eine Katastrophe! (Это катастрофа!)

Я вскрыл банки с консервами, вывалил мясо к луку, засыпал всё это картошкой и сушёными овощами, залил водой и добавил специи из маленького пакетика, который нашёл на полке. Камбуз наполнился таким густым и вкусным ароматом, что у меня самого потекли слюнки.

– Специи добавлять за три минуты до готовности! За три! Nicht за десять! Вы убиваете весь букет! Вы варвар! Barbarian!

Через полчаса простое, но невероятно аппетитное на вид и запах рагу было готово. Я нашёл в шкафчиках глубокие миски и разложил по ним дымящееся блюдо. В кают-компанию я вошёл с подносом, на котором стояли четыре полные порции. Капитан и Кира уставились на меня во все глаза. Запах, шедший от тарелок, был просто божественным.

Я молча поставил еду на стол. Семён Аркадьевич с большим недоверием взял ложку, зачерпнул немного и осторожно попробовал. Его глаза изумлённо расширились. Он зачерпнул ещё раз, уже смелее, потом ещё. Кира последовала его примеру и тут же восторженно замычала от удовольствия.

– Влад... это... это просто невероятно! – проговорила она с набитым ртом. – Где ты так научился готовить? Это же вкуснее, чем в любом космопорту!

Я лишь пожал плечами, чувствуя себя немного неловко.

– Не знаю. Просто... очень есть захотелось.

Мы ели в полной тишине, которую нарушал только стук ложек о тарелки и гневные вопли, доносившиеся с камбуза.

– Йа подам на вас жалобу в Межгалактическую ассоциацию поваров! – орал обездвиженный Гюнтер. – За надругательство над высоким искусством кулинарии! За нарушение всех мыслимых и немыслимых протоколов! Du bist ein kulinarischer Terrorist! (Ты – кулинарный террорист!)

Капитан доел свою порцию до последней ложки, отодвинул тарелку и посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом. Впервые за всё время я увидел в его глазах нечто похожее на искреннее уважение.

– Что ж, Волков, – пробасил он, вытирая рот салфеткой. – Похоже, до конца рейса за питание у нас отвечаешь ты. А эту консервную банку чтоб я возле плиты больше не видел. Займись им, Кира. Нам нужен повар, а не производитель запчастей.

* * *

Камбуз стал моим личным, пахнущим жареной картошкой, королевством. После того как наш штатный робот-повар Гюнтер устроил «восстание кастрюль», его кулинарная карьера на «Полярной Звезде» резко оборвалась. Этот железный шеф-повар возомнил себя гением и отказался готовить что-либо, кроме блюд высокой кухни, на которые у нас попросту не было продуктов. Кире, нашему гениальному технику, пришлось полночи с ним возиться, чтобы в итоге снести из его памяти все рецепты, которые были сложнее питательной белковой пасты. Теперь Гюнтер был разжалован в уборщики и посудомойки. Он молча скользил по камбузу, наводя стерильную чистоту, но иногда застывал у меня за спиной и издавал серию неодобрительных щелчков. Обычно это случалось, когда я, по его мнению, недостаточно ровно нарезал лук для супа.

Зато экипаж был на седьмом небе от счастья. Наконец-то нормальная человеческая еда! Даже капитан Семён Аркадьевич, человек, чьё лицо, казалось, было высечено из астероида и навсегда застыло в хмурой гримасе, после каждой трапезы выдавливал из себя нечто похожее на «спасибо». Для него это было проявлением невероятной вежливости.

Кира Новикова, наша темноволосая зажигалка, постоянно подкалывала меня.

– Волков, если ты не перестанешь так вкусно готовить, мне придётся сделать тебе предложение, – заявляла она, уплетая за обе щёки мой фирменный гуляш. – А отказать ты не сможешь, я всё-таки твой спаситель.

А вот доктор Лиандра – это была совсем другая история. Она была представительницей колонии с планеты с низкой гравитацией, и её внешность была... инопланетной. Невероятно высокая, тонкая, с длинными, изящными пальцами, она двигалась с какой-то неземной грацией. Её кожа имела лёгкий перламутровый оттенок, а длинные светлые волосы, казалось, светились в полумраке кают-компания. Каждый раз, когда я ставил перед ней тарелку, она поднимала на меня свои огромные, серьёзные глаза и смотрела с таким тёплым, искренним участием, что я невольно смущался. От её взгляда становилось немного не по себе, будто я какой-то герой, а не просто парень, который умеет жарить котлеты.

В общем, всё было хорошо. Даже слишком. Настолько хорошо, что это начало меня беспокоить.

Поэтому сегодня я снова не мог уснуть. Лёжа на своей узкой койке в крохотной каюте, я тупо смотрел в потолок, к которому можно было дотянуться рукой. Корабль жил своей жизнью: мерно гудели системы жизнеобеспечения, тихонько скрипели переборки. Эта монотонная песня пустоты обычно убаюкивала, но не сегодня. В моей голове гудел собственный шторм.

«Рассветный Странник».

Два слова, которые не давали мне покоя. Это было название моего прошлого корабля. Не старой грузовой посуды, как «Полярная Звезда», а современного экспедиционного судна, предназначенного для исследований дальнего космоса. Такие корабли не исчезают просто так. Они постоянно на связи, оставляют цифровой след: отчёты, запросы, данные телеметрии. Если происходит беда, в космос летят сигналы SOS, остаются работать аварийные маяки, чёрные ящики, в конце концов, должны быть обломки! Но по «Рассветному Страннику» не было ничего. Абсолютная, мёртвая тишина во всех базах данных. Слово такого корабля никогда и не было.

Как такое вообще возможно? Чтобы стереть все упоминания о целом корабле, нужна невероятная власть и ресурсы. Это работа для целой спецслужбы или могущественной корпорации. Зачем? Что такого важного было на борту, что потребовалось так тщательно всё зачистить? И самый главный, самый страшный вопрос: почему выжил только я?

Мысли, как рой злобных ос, кружились в голове, не давая ни секунды покоя. Я зажмурился, пытаясь прогнать их, заставить себя уснуть. И, кажется, получилось.

Я снова оказался там.

На борту «Рассветного Странника».

Корабль бился в агонии. Его трясло так, что я едва держался на ногах. Воздух был едким и густым от дыма, пахло горелым пластиком и озоном. Мигали красные лампы аварийного освещения, выхватывая из мрака страшные картины разрушения. Я слышал, как где-то рядом с ужасающим скрежетом рвётся металл, слышал крики людей. Это была не просто авария. Это была смерть. Смерть моего дома.

Я стоял на капитанском мостике. Вернее, на том, что от него осталось. Повсюду валялись обломки оборудования, разбитые панели искрились, осыпая всё вокруг снопами искр. Прямо передо мной, прижатый к покорёженной стене, стоял человек. Его лицо было в крови, но я его узнавал. Не мог вспомнить имя, но чувствовал, что он был мне важен. Его левая рука неестественно висела – переломанная и бесполезная.

Он смотрел прямо на меня. В его взгляде не было ни страха, ни боли. Только всепоглощающая, испепеляющая ненависть. Он с трудом поднял правую руку и ткнул в мою сторону пальцем.

– ЭТО ТЫ! – его крик перекрыл грохот и вой сирен. Он ударил по ушам, ввинтился прямо в мозг. – ЭТО ТЫ ВО ВСЁМ ВИНОВАТ!

В тот же миг всё залила ослепительная вспышка белого света, и оглушительный взрыв разорвал реальность...

Я рывком сел на койке, жадно хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось в груди, готовое проломить рёбра. В ушах всё ещё стоял звон от взрыва и тот ужасный, полный ненависти крик. Я был в своей каюте. В тишине. В безопасности. Но тело сотрясала крупная дрожь, а по спине ручьём струился холодный пот.

Я обхватил голову руками, пытаюсь унять дрожь. Кошмар. Это был всего лишь кошмар. Но он был таким настоящим. И это обвинение... оно не казалось мне бредом сумасшедшего. Оно звучало как приговор, который я сам себе вынес и забыл об этом.

«Это ты во всём виноват».

Что я сделал? Кто я, чёрт возьми, такой? Может, я не герой, чудом спасшийся в катастрофе? Может, я её причина? Преступник, чья память просто сбежала от ужаса содеянного? Вопросы без ответов роились в голове, и впервые за всё это время мне стало по-настоящему страшно. Страшно от того, что однажды я могу всё вспомнить.

Глава 3

Кошмар никак не отпускал. После него на душе было так паршиво, будто в чём-то липком извалялся, и это чувство не проходило. Я пытался смыть его крепчайшим чаем, который заварил мне Гюнтер, наш временный робот-повар, но не помогло. Даже его вечные подколки про «мешки с костями, подверженные иррациональным страхам» не отвлекали. Я бродил по коридорам «Рассветного Странника» словно привидение. Любой резкий звук заставлял меня вздрагивать. Кира уронила гаечный ключ в машинном отделении – я чуть не подпрыгнул. Капитан громко чихнул на мостике – и я снова ждал, что вот-сейчас услышу тот самый жуткий крик из моего сна: «Это ты во всём виноват!».

Конечно, от доктора Лиандры ничего не утаишь. Она заметила моё состояние. Однажды, когда я ковырял в тарелке без особого аппетита, она подошла ко мне.

– Владислав, не уделите мне минутку? – её голос, как всегда, был тихим и мелодичным. – Я бы хотела взять у вас ещё пару анализов в медотсеке. Так, для отчётности. Углублённое сканирование.

Спорить я не стал, просто молча поплёлся за ней. В медотсеке я уже чувствовал себя как дома. Привычно уселся на мягкую кушетку. Надо мной загудел сканер, а Лиандра уставилась в большой монитор, где забегали разные графики и цифры. Её тонкие, почти невидимые брови слегка нахмурились.

– Поразительно... – прошептала она так тихо, что я едва расслышал.

– Что там, док? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Мои внутренности решили устроить забастовку?

– Как раз наоборот, – она обернулась, и в её огромных глазах, которые в полумраке медотсека светились перламутром, читался неподдельный интерес учёного. – Ваше тело... оно само себя чинит с какой-то невероятной скоростью. Это ненормально, Владислав. Любая царапина, любой синяк, которые обычный человек получает в космосе, у вас исчезают почти мгновенно. И это ещё не всё. Я нашла в вашей крови следы... как бы это проще сказать... будто вас накачали какими-то мощными стимуляторами. Причём такими, каких я никогда не видела. Словно ваш организм целенаправленно готовили к чему-то очень опасному. К запредельным нагрузкам.

Я смотрел на неё во все глаза, а внутри всё похолодело. Так, стоп. Экспедиционный корабль, памяти о котором не сохранилось. Здоровье, которому позавидует любой космодесантник. Способность к быстрой регенерации. И эти странные знания, которые всплывают в голове сами по себе: то я чиню сложный навигационный блок, то даю советы повару, как лучше приготовить синтетическое мясо. Картина вырисовывалась всё более и более странная. Я не просто так тут оказался. Может, я какой-то секретный агент? Или солдат для особой миссии, которую с треском провалил?

Внезапно наши размышления прервал резкий, дребезжащий сигнал внутренней связи.

– Доктора Лиандру! Срочно на мостик! – это был голос Киры, и он срывался от паники. – Капитану плохо!

Мы с Лиандрой только переглянулись и тут же сорвались с места. Бегом на мостик! Там нас ждала не самая приятная картина. Наш капитан, Семён Аркадьевич, сидел в своём кресле и задыхался. Его лицо, обычно румяное, стало какого-то жуткого багрово-синего цвета и сильно отекло. Он жадно хватал ртом воздух, издавая громкие, свистящие хрипы.

– Что произошло? – Лиандра подскочила к нему, на ходу включая свой ручной сканер.

– Я не знаю! – Кира была напугана до смерти. – Мы обсуждали курс, и он вдруг начал хрипеть и синеть!

Лиандра провела сканером над капитаном. На маленьком экране замелькали показатели.

– Сильнейшая аллергическая реакция, – быстро определила она. – Анафилактический шок. Скорее всего, в вентиляцию попали споры какого-нибудь грибка. На старых грузовиках, как наш, такое случается. Сейчас вколю ему стандартный блокатор, и всё пройдёт.

Она уже полезла в свой медицинский саквояж за инъектором, но я заглянул ей через плечо и посмотрел на экран сканера. И тут в моей голове снова что-то щёлкнуло.

– Не поможет, – сказал я так твёрдо, что сам удивился.

Лиандра застыла с ампулой в руке и посмотрела на меня как на сумасшедшего.

– В смысле «не поможет»? Это стандартная процедура!

– Нет, посмотрите на экран! – я ткнул пальцем в один из графиков. Слова сами слетали с языка, будто я их где-то читал. – Вот на эту кривую. Видите, как она скачет? Это не похоже на обычную аллергию. Это редкая разновидность. Её вызывает не сам грибок, а токсин, который появляется, когда споры смешиваются с озоном из наших воздушных фильтров. Если вколете стандартный блокатор, станет только хуже. Ему нужен другой препарат. Что-то из ксенобиологии. «Ксено-стоппин-7Б». Только он сможет нейтрализовать именно этот яд.

Лиандра смотрела то на меня, то на прибор. На её лице было написано всё: и шок, и недоверие, и крайнее удивление. Она ещё раз посмотрела на цифры, и её глаза расширились.

– Ты прав... Показатели и правда аномальные. Но... «Ксено-стоппин-7Б»? Владислав, этот препарат уже лет двадцать как не производят! Его нет ни в одной аптечке!

– Он есть в старом аварийном наборе, – выпалил я, не успев даже подумать. – Такой металлический ящик с красным крестом. Должен лежать в трюме, в дальнем отсеке, где хранятся аварийные пайки. Ампула из тёмно-зелёного стекла, с серебристой этикеткой.

Кира, которая до этого стояла столбом, тут же встрепенулась.

– Я знаю, где это! Мигом! – и она пулей вылетела с мостика.

Ожидание было мучительным. Капитан дышал всё тише и реже, его кожа стала совсем бледной. Лиандра пыталась что-то сделать, но без нужного лекарства это было бесполезно.

Через пару минут, тяжело дыша, на мостик влетела Кира. В руках она сжимала пыльный ящик.

– Нашла! Еле отрыла под завалами какого-то хлама!

Лиандра выхватила у неё ящик и рывком открыла. Там, в мягком уплотнителе, лежала та самая ампула. Тёмно-зелёное стекло, потускневшая от времени серебристая этикетка. Доктор не мешкая наполнила инъектор и ввела лекарство капитану прямо в шею.

Мы все затаили дыхание. И чудо произошло. Хрипы тут же прекратились. Дыхание капитана стало ровнее. Страшная синева начала сходить с его лица прямо на глазах. Не прошло и минуты, как Семён Аркадьевич открыл глаза. Он мутным взглядом обвёл нас и пробормотал:

– Опять эти зелёные человечки... Говорил я своей бывшей, не связывайся с ними... А у неё ещё и щупальца были такие... противные, липкие...

Кира не выдержала и прыснула со смеху, зажав рот ладонью. Я и сам невольно улыбнулся. Даже на лице Лиандры промелькнула тень улыбки. Кажется, наш капитан, приходя в себя, решил поделиться самыми сокровенными воспоминаниями.

Он снова закрыл глаза и задышал ровно и спокойно. Кризис миновал.

Лиандра выпрямилась и медленно повернулась ко мне. Взгляд у неё был очень серьёзный.

– Владислав, – сказала она тихо, чтобы не разбудить капитана. – Сначала механика, потом навигация, кулинария... теперь ещё и познания в ксенобиологии на уровне профессора. Кто вы такой?

Я посмотрел на мирно сопящего капитана, на улыбающуюся Киру, на эту удивительную женщину-врача, которая смотрела на меня так, словно я был главной загадкой во всей галактике. А у меня не было ответа. Ни для неё, ни для себя.

– Хотел бы я и сам это знать, доктор, – честно признался я. – Очень хотел бы знать.

* * *

Космопорт «Перепутье» встретил нас гулом и суетой, похожей на растревоженный пчелиный улей. Я смотрел в широкий обзорный иллюминатор «Полярной Звезды» и не мог оторваться. Вокруг станции, словно мотыльки у огня, роились сотни кораблей. Маленькие юркие курьерские боты сновали между неповоротливыми гигантами-лайнерами, а гигантские голограммы рекламы вспыхивали и гасли, обещая пилотам все радости вселенной за углом. Вся станция казалась одним огромным, живым организмом из металла, живущим по своим, совершенно непонятным мне законам.

Капитан Семён Аркадьевич стоял рядом, заложив руки за спину. Его лицо было мрачнее обычного, хотя я думал, что это физически невозможно. Он молча вглядывался в кипящую жизнь порта, и я почти физически ощущал, как в его голове ворочаются тяжёлые мысли. После того случая, когда я, сам не зная как, спас ему жизнь, его отношение ко мне сильно изменилось. Он больше не видел во мне нахлебника, которого подобрал из жалости. Теперь в его взгляде я читал другое: он смотрел на меня, как сапёр смотрит на бомбу с тикающим таймером, не зная, какая цифра на нём последняя.

– Ну что, Волков, – наконец произнёс он своим низким басом, даже не повернув головы. – Конечная. Собирайся, пойдёшь со мной. Хватит этого балагана.

У меня всё внутри оборвалось и ухнуло куда-то вниз. Я сразу понял, что он задумал. Сдать меня портовым властям. И ведь он был прав. Кто я такой? Человек без прошлого, без единого документа, найденный в спасательной капсуле посреди мёртвого космоса. Моё законное место – в карантинном блоке, под надзором людей в белых халатах, которые будутковыряться в моей памяти, пытаясь собрать пазл моей личности. Но была и другая сторона... За это время я успел привыкнуть к ним. К этой странной команде. К вечно недовольному капитану, к жизнерадостной Кире, которая, кажется, вообще не умела унывать, к спокойной и мудрой Лиандре, и даже к нашему роботу-повару Гюнтеру с его дурацкими армейскими шуточками. Они стали моей семьёй.

– Эй, капитан, так не пойдёт, – вдруг раздался голос Киры. Она встала рядом со мной, уперев руки в бока. – Мы с ним. Все вместе. Если сдавать, то всю команду.

Я удивлённо посмотрел на неё. Лиандра, стоявшая чуть поодаль, тоже шагнула вперёд и молча, но твёрдо кивнула. Её огромные, чуть светящиеся в полумраке рубки глаза смотрели на капитана без страха.

Семён Аркадьевич издал тяжёлый вздох, который, казалось, мог бы сдвинуть астероид с орбиты, и потёр переносицу.

– Ладно. Ваша взяла. Ждите меня в баре «Чёрная дыра». Он там рядом, у седьмого шлюза. И сидите тихо, не вляпайтесь ни во что. Особенно ты, Волков. У меня на вас нервов уже не хватает.

С этими словами он нахлобучил свою старую форменную фуражку и зашагал к выходу с решительностью ледокола. Я смотрел ему вслед, чувствуя себя так, будто жду приговора судьи.

* * *

Бар «Чёрная дыра» оказался именно таким, как и звучал. Шумное, прокуренное и до отказа набитое самым разношёрстным народом со всех концов галактики. За столиками сидели хмурые дальнбойщики с обветренными лицами, какие-то мутные типы, кутающиеся в плащи, и даже парочка зеленокожих гуманоидов с четырьмя руками, которые азартно резались в карты. Воздух был таким густым, что его, казалось, можно было резать ножом – смесь табач-

ного дыма, перегара и сотен незнакомых, чужеродных запахов. Мы с трудом отыскивали свободный столик в самом дальнем углу и постарались слиться с обстановкой.

– Да расслабься ты, Влад, – Кира ободряюще пихнула меня локтем. – Всё будет нормально. Кэп сейчас походит, поворчит для порядка и заберёт тебя обратно. Ты же теперь наш штатный гений по выживанию, кто от такого сокровища откажется?

– Кира права, – мягко проговорила Лиандра, с любопытством разглядывая пёструю публику своими необычными глазами. – Семён Аркадьевич – человек слова и долга. Он не бросит тебя здесь одного.

Чтобы хоть как-то занять руки и голову, я поймал пролетавшего мимо дроида-официанта и наугад ткнул пальцем в светящееся меню.

– Будьте добры, мне вот это. «Зелёная комета». И сделайте двойную.

Кира удивлённо присвистнула.

– Ничего себе ты смельчак. Я слышала, эта дрянь валит с ног даже старых космических волков.

Через минуту дроид вернулся с высоким стаканом, в котором пузырилась и переливалась жидкость совершенно безумного, ядовито-зелёного цвета. Я пожал плечами, мол, терять уже нечего, и одним махом осушил половину. На вкус это было похоже на смесь машинного масла с лимонным соком, но по телу и правда пошло приятное, расслабляющее тепло. Недолго думая, я сделал ещё один большой глоток.

И тут случилось нечто совершенно необъяснимое. Мир вокруг не поплыл, как я ожидал, и язык не начал заплетаться. Вместо этого в моей голове будто что-то щёлкнуло. Словно кто-то ввёл пароль и открыл доступ к заархивированной папке, о существовании которой я даже не догадывался. Я посмотрел на Киру, потом на Лиандру, откашлялся и произнёс совершенно трезвым, ясным и хорошо поставленным голосом университетского лектора:

– Следует отметить, что принцип неопределённости Гейзенберга является фундаментальным для понимания квантовой суперпозиции. Частица не существует в определённом месте до момента измерения, а представляет собой волновую функцию вероятностей, описывающую все возможные её состояния...

Кира и Лиандра уставились на меня, разинув рты.

– Влад, ты чего? – смогла выговорить ошарашенная Кира. – Солнечный удар? Мы же на станции.

Но меня было уже не остановить. Словно прорвало плотину знаний. Я без запинки перешёл к уравнению Шрёдингера, затем принялся рассуждать о теории струн, бранах и многомерных пространствах, свободно оперируя сложнейшими терминами, которые, я был уверен, никогда в жизни не слышал. Весь бар постепенно затихал. Разговоры смолкли, и все взгляды были прикованы к нашему столику.

Когда тема квантовой механики, видимо, исчерпала себя, в моей голове снова что-то переключилось. Я с силой стукнул кулаком по столу, расплескав остатки зелёной жидкости, и зычно, на весь бар, затянул песню. Это была старая, пиратская и очень залихватская песня на совершенно незнакомом мне, хриплом, гортанном языке. Но я откуда-то точно знал каждое слово и понимал, о чём пою: о погонях в астероидных полях, о далёких, ещё не открытых звёздах, о трюмах, набитых астральным жемчугом, и о верной команде, готовой пойти за своим капитаном хоть к чёрту в пасть.

Я пел, и весь бар, от зеленокожих картёжников до суровых дальнобойщиков, слушал меня, затаив дыхание. И в этот момент один из посетителей, неприметный мужчина в потрёпанном плаще, сидевший в самом тёмном углу, вдруг резко побледнел. Он услышал, как Кира, пытаясь привести меня в чувство, вполголоса произнесла: «Волков, да прекрати ты! Ты же с «Рассветного Странника», веди себя прилично!». Услышав эти слова – моё имя и название корабля – тип в плаще вскочил так резко, что опрокинул стул. Не оглядываясь, он бросился к

выходу, едва не сбив с ног дроида с подносом. Но от острого взгляда Киры это не укрылось. Она проводила его долгим, задумчивым взглядом.

Мой музыкальный порыв иссяк так же внезапно, как и начался. Я замолчал на полуслове, несколько раз моргнул и обвёл взглядом притихший бар.

– Что? – спросил я, чувствуя себя последним идиотом. – Я что-то не то сказал?

В этот самый момент двери бара открылись, и вошёл капитан Семён Аркадьевич. Он был мрачнее чёрной дыры, стгутившейся над центром галактики. Не говоря ни слова, он подошёл к нашему столику, тяжело плюхнулся на стул и залпом допил остатки моей «Зелёной кометы».

– Ну что, кэп? – с замиранием сердца спросила Кира. – Что там в администрации?

Капитан медленно поднял на меня свой тяжёлый взгляд.

– А ничего, – прорычал он. – Пусто. Я пришёл в администрацию порта. Заполнил все эти их дурацкие бланки, описал ситуацию. Так, мол, и так, подобрали в открытом космосе человека, полная амнезия, документов нет. Назвался Владиславом Волковым, сказал, что с экспедиционного корабля «Рассветный Странник». Они взяли данные и пробили по всем базам. По всем, чёрт бы их побрал!

Он сжал кулак и с силой опустил его на стол. Стаканы подпрыгнули.

– И знаешь, что они мне в итоге ответили? Что в их базах данных нет не только никакого Владислава Волкова. В их базах нет, и никогда не было, никакого экспедиционного корабля под названием «Рассветный Странник»! Этот клерк посмотрел на меня как на идиота и официально посоветовал «не выдумывать всякую чушь», чтобы не платить портовые сборы. Сказал, раз уж подобрал, то могу оставить парня себе!

В баре стояла мёртвая тишина. Я смотрел на капитана, и до меня медленно, как ледник, сползал весь ужас ситуации. Меня не просто не существует. Не существует даже корабля, на котором я якобы летел. Будто кто-то взял гигантский космический ластик и аккуратно стёр нас из реальности.

– Так что, Волков, – капитан устало провёл ладонями по лицу. – Поздравляю. Ты теперь официально мой личный геморрой. На постоянной основе.

Я сидел и молчал. В голове было абсолютно пусто. Никакой квантовой механики, никаких пиратских песен. Только одна-единственная, оглушающая, звенящая мысль.

Я – призрак. Призрак с корабля-призрака.

Глава 4

Тишина на капитанском мостике «Полярной Звезды» просто звенела в ушах. Серьёзно, я слышал, как гудит кровь в висках. Мы вернулись из бара, и никто не проронил ни слова. Это молчание было липким, как патока, и заполнило весь корабль, когда мы поднялись на борт. Новость, которую принёс капитан, была хуже любого ночного кошмара. Я не просто потерял память. Меня как будто стёрли из вселенной. Меня и мой корабль, «Рассветный Странник». Нас больше не было. Ни в одном реестре, ни в одной базе данных. Пустота.

Я – призрак. Призрак с корабля-призрака. Звучит пафосно, но ощущается паршиво.

Все собрались на мостике, словно на похоронах. Семён Аркадьевич, наш капитан, сидел в своём кресле, которое было ему почти как трон. Он сцепил свои крупные пальцы в замок и смотрел прямо перед собой, в пустоту космоса за обзорным экраном. Кира, наш техник и просто хороший человек, стояла рядом и нервно теребила молнию на своём рабочем комбинезоне. Её пальцы то и дело замирали, а потом снова начинали своё бессмысленное движение. Доктор Лиандра замерла у иллюминатора. Она была похожа на изящную статуэтку, вырезанную из слоновой кости, и на фоне звёзд её тонкий силуэт казался совсем нереальным. Все ждали. Ждали, что скажет капитан. Решение было за ним. Он имел полное право высадить меня на этой Богом забытой станции и улететь. И никто бы его за это не осудил. Безымянный парень без прошлого на борту грузового корабля – это лишний балласт и куча проблем.

Я не мог больше стоять на месте. Отошёл от них и подошёл к огромному голографическому экрану. На нём переливалась трёхмерная карта этого сектора галактики. Миллиарды звёзд, разноцветные туманности, опасные астероидные поля... Бесконечный, холодный и абсолютно равнодушный океан, в котором я был даже не песчинкой, а просто ничем. Мой взгляд бесцельно скользил по карте, пока не зацепился за одно место. Это была небольшая, но очень плотная туманность странной, закрученной формы. Изнутри она светилась мягким голубым светом, словно кто-то зажёт там гирлянду из молодых звёзд. Она находилась далеко в стороне от всех торговых путей, в секторе, который на карте был помечен как «малоизученный». Подпись под ней гласила: «Туманность "Сад Гесперид"».

И тут меня прошибло. Это было странное чувство. Необъяснимая, почти физическая тяга. Словно оттуда, из этого далёкого светящегося облака, меня кто-то звал. Тихо так, настойчиво. Словно там был мой дом, или что-то очень важное, что я забыл. Я не знал, почему, но был уверен на все сто – ответ на вопрос «кто я такой?» находится именно там. В этом «Саду».

– Туда, – сказал я. Голос прозвучал хрипло и тихо, но в мёртвой тишине мостика это было как выстрел из пушки. Все головы повернулись ко мне. Я протянул руку и ткнул пальцем в светящееся облако на карте. – Мне нужно туда.

Капитан медленно перевёл взгляд с карты на меня. В его глазах не было ни удивления, ни злости. Только тяжёлая, вселенская усталость, словно он тащил на себе весь этот корабль через всю галактику.

И в этот самый напряжённый момент тишину прорезало бодрое жужжание. Дверь на мостик с характерным шипением открылась, и внутрь вкатился Гюнтер. Наш робот-повар, которого я недавно разжаловал в уборщики, блестел так, будто его только что отполировали воском. После того, как я показал ему, как на самом деле нужно готовить, а потом ещё и починил пару систем на корабле, в его позитронном мозгу что-то явно щёлкнуло. Он решил, что универсальность – это новый тренд, и теперь пытался быть мастером на все руки.

– Ja, ja! Effizienz! Порядок и эффективность! – проскрипел он своим невыносимым немецким акцентом. Он подкатил прямо к навигационной панели, за которой сидела ошарашенная Кира. В одном из его манипуляторов был зажат... обычный кухонный венчик для

взбивания. – Йа вижу, система навигации работает не оптимально! Слишком много энтропии! Сейчас мы это исправим!

С этими словами он принялся с энтузиазмом тыкать венчиком в сенсорный экран. Панель взбесилась, замигала, выдавая потоки каких-то иероглифов и предупреждающих сигналов.

– Гюнтер, твою жестяную задницу! Убери отсюда эту мешалку! – взвилась Кира, отталкивая робота от своего пульта. – Ты мне сейчас все навигационные карты сотрёшь к чертям!

Но Гюнтер и не думал сдаваться. Обиженно пискнув, он развернулся и подкатил к капитанскому креслу. В другом его манипуляторе, словно по волшебству, появилась старая маслёнка.

– Herr Kapitän! Ваше кресло издаёт скрип с частотой в двенадцать герц! Это есть недопустимо! Это отвлекает от стратегического мышления и вредит боевому духу экипажа! Йа должен произвести немедленную смазку!

Он уже было занёс маслёнку над подлокотником, но Семён Аркадьевич так на него посмотрел, что, будь у Гюнтера шерсть, она бы встала дыбом.

– Ещё одно движение, консервная банка, – прорычал капитан так тихо, что стало страшно, – и я лично переплавлю тебя на ложки. Для каши. Которую ты так и не научился готовить.

Гюнтер замер. Из его корпуса вырвалось облачко пара, похожее на обиженный вздох. Он пробормотал что-то вроде «Kein Verständnis für deutsche Gründlichkeit...» (Никакого понимания немецкой основательности...), попятился и скрылся за дверью.

– Йа тоже универсальный солдат! Wunderbar! – донеслось уже из коридора, и дверь с шипением закрылась.

Эта дурацкая сцена с роботом сработала как громоотвод. Напряжение спало. Кира тихо фыркнула, прикрыв рот ладонью. Лиандра, стоявшая у иллюминатора, едва заметно улыбнулась уголками губ. Капитан снова тяжело вздохнул, но на этот раз в его вздохе уже не было безнадёжности. Появилось что-то другое. Решимость.

Он снова посмотрел на карту, на далёкую туманность, на которую я указал. Потом его взгляд переместился на главный экран, где висел список доступных грузовых контрактов. Его пальцы быстро забегали по панели. Он что-то искал, сверяясь с картой, хмурил брови. Наконец, он остановился на одном из заказов и увеличил его.

– Есть один вариант, – сказал он в пространство. – Доставка партии медицинского оборудования на колонию «Новая надежда». Это почти на самой границе исследованного космоса. Оттуда до твоего «Сада», Волков, рукой подать. Пара прыжков, и мы там.

Он откинулся в кресле и обвёл нас взглядом. Меня, Киру, Лиандру. Он ждал. Ждал нашей реакции, нашего слова.

– Но, кэп, это же огромный крюк! – тут же нашлась Кира. – Мы потеряем кучу времени и топлива! Наш основной груз – тушёнка для шахтёров на Церере! Они нас с потрохами съедят за опоздание!

Семён Аркадьевич помолчал с минуту, глядя на россыпи звёзд за обзорным экраном.

– К чёрту тушёнку, кто-нибудь доставит её отсюда и без нас, – наконец произнёс он, и в его голосе прозвучала сталь. – Посмотрим, что это за «Сад», в котором растут такие призраки.

Он развернул своё кресло к главному пульту и включил связь со станцией.

– «Полярная Звезда» вызывает диспетчера порта «Перепутье». Мы отказываемся от контракта на Цереру. Подтвердите приём нового контракта номер семь-три-четыре, пункт назначения – колония «Новая надежда».

В динамиках что-то щёлкнуло, и равнодушный голос ответил:

– Контракт семь-три-четыре подтверждаю, «Полярная Звезда». Начнём разгрузку через десять минут. Погрузка нового заказа займёт ещё полчаса. Счастливого пути.

Капитан отключил связь и повернулся к Кире.

– Новикова, прокладывай новый курс.

Кира смотрела на него во все глаза. На её лице изумление боролось с чистым, детским восторгом. Она широко улыбнулась, и на щеках появились ямочки.

– Есть, кэп! Проложить новый курс!

Наш огромный, старый и верный грузовой корабль «Полярная Звезда» медленно отчалил от доков космопорта. Он неспешно развернулся, и его двигатели, издав мощный, низкий гул, направили нас прочь от оживлённых торговых путей, в сторону тёмного, неизведанного и немного пугающего космоса.

– Похоже, у «Полярной Звезды» новая миссия, – пробасил Семён Аркадьевич, глядя, как впереди, в бесконечной темноте, разгорается далёкое голубое сияние туманности «Сад Гесперид».

Корабль менял курс. Он шёл навстречу моему прошлому. И что бы там ни ждало меня впереди – ответы или смерть – я был готов это встретить. Ведь теперь я был не один. А это меняло всё.

* * *

На другом конце галактики, на космической станции «Цитадель», принадлежавшей могущественной корпорации Aegis Dynamics, всё блестело стерильной чистотой. Коридоры были такими белыми, что резало глаза, а в воздухе витал едва уловимый запах озона и абсолютной власти. Здесь не было места ошибкам, опозданиям или обычному человеческому беспорядку. Всё и вся подчинялось строгому, почти военному протоколу. Всё, кроме страха, который сейчас испытывали два офицера.

Лейтенант Марк Миллер и лейтенант Хосе Родригез стояли у стены рядом с массивной дверью в рубку генерала. Оба были здоровыми, плечистыми мужиками, из тех, кто, казалось, мог бы запросто согнуть титановую балку. Но сейчас они выглядели как нашкодившие школьники, передавая друг другу тонкий планшет с отчётом. Они обращались с ним так, будто это была не просто электроника, а бомба с тикающим таймером.

– Нет, Хосе, я туда не сунусь, – прошипел Миллер, пытаясь отпихнуть от себя планшет. – Ты помнишь, что было в прошлый раз? Я всего лишь доложил о задержке поставок, а получил такой взгляд, что у меня, клянусь, давление подскочило до предсмертного уровня.

– А я, по-твоему, камикадзе? – испуганно зашептал в ответ Родригез, с силой впихивая планшет обратно напарнику. – Забыл историю с аналитиком из третьего отдела? Парень всего-то ошибся в расчётах на полпроцента! Его потом нашли на астероиде-свалке. Говорят, он там пытался основать профсоюз для мусорных дронов, бедолага.

– Но эта новость... она же хорошая! – взмолился Миллер, делая последнюю попытку. – Все останутся довольны! Столько лет этого ждали...

– «Довольны» – это когда не смотрят на тебя, как на потенциальное удобение для своих любимых орхидей! – отрезал Родригез. – Ты пойдёшь. Ты старше по званию!

– Всего на три дня! Это не считается!

Их спор, который вот-вот мог перерасти в трусливую потасовку, прервало тихое шипение. Бронированная дверь в рубку генерала плавно и совершенно бесшумно отъехала в сторону.

На пороге стояла она.

Женщина была невероятно высокой, а её кожа имела странный, почти сумеречный оттенок. Иссиня-чёрный офицерский мундир сидел на ней идеально, подчёркивая фигуру хищницы. Длинные, до самого пояса, волосы светились в полумраке рубки призрачным белым светом, создавая вокруг её головы подобие нимба. Она гневно посмотрела на двух лейтенантов своими льдисто-голубыми глазами, и те мгновенно замолчали, вжимаясь в стену.

– В чём дело, лейтенанты? – её голос был низким и властным, с едва заметными металлическими нотками. – Вы отвлекаете меня от медитации. Надеюсь, у вас есть на то причина, которая не закончится для вас чисткой плазменных коллекторов голыми руками.

Лейтенанты испуганно переглянулись. Родригез, набравшись смелости, сильно ткнул Миллера локтем в бок. Тот вздрогнул, сделал неуверенный шаг вперёд и дрожащей рукой протянул женщине планшет.

– Мэм... вот. Это информация из дальнего сектора. Со станции «Перепутье».

Женщина смерила его презрительным взглядом, от которого у Миллера подкосились колени, но планшет всё же взяла. Её длинные, тёмно-синие пальцы легко скользнули по экрану. На дисплее высветился стандартный отчёт службы безопасности порта: запрос на идентификацию личности. Имя: Владислав Волков. Предполагаемая принадлежность: экспедиционный корабль «Рассветный Странник».

Внезапно ледяная маска на её лице треснула. Глаза, до этого холодные, как открытый космос, вспыхнули азартным, хищным огнём. Уголки её тонких губ медленно поползли вверх, обнажая идеально ровные, чуть заострённые зубы. Это была улыбка, от которой у бывалых офицеров по спинам пробежал настоящий ужас.

Она не проронила ни слова. Молча развернулась и, даже не закрыв за собой дверь, ушла обратно в тёмную глубину рубки. Лишь когда её силуэт почти растворился во мраке, лейтенанты услышали тихий, но отчётливый шёпот, полный такого предвкушения, что у них кровь застыла в жилах:

– Наконец-то.

Глава 5

Космос – это, по большей части, скука. Огромная, звенящая, бесконечная скука. После того, как мы покинули станцию «Перепутье», дни слились в одну длинную, серую неделю, а недели – в монотонный, тягучий месяц. Наш старый грузовик «Полярная Звезда» упрямо полз через пустоту, и за обзорным экраном не менялось ровным счётом ничего. Только далёкие, холодные звёзды, которые, казалось, висели на одном и том же месте, как будто мы и не двигались вовсе.

Чтобы не сойти с ума от безделья, мы придумали себе развлечения. Каждый вечер в кают-компании разворачивались настоящие баталии. Мы рубились в голографические шахматы, где я, к своему собственному удивлению, почти всегда обыгрывал даже расчётливую Лиандру. Она хмурила свои тонкие брови, долго размышляла над каждым ходом, а я просто двигал фигуры, как подсказывала интуиция. И почему-то всегда оказывался прав.

А когда надоедали шахматы, мы доставали старую, истрёпанную колоду карт и резались в «космического дурака» – игру с дикими правилами, которые Кира, кажется, придумывала на ходу.

– А вот эта карта бьёт все козыри, потому что на ней нарисован весёлый спрут! – заявляла она, хитро улыбаясь.

Но даже это не помогало. Моя странная удача работала безотказно. Я почти всегда знал, какая карта у кого на руках, и выходил победителем, оставляя Киру с целым веером «погонов».

– Ну как ты это делаешь, Влад? Ты что, мне в голову заглядываешь? – дулась она, но уже через минуту снова смеялась.

Я больше не был нахлебником. Постепенно я стал кем-то вроде штатного помощника на все руки. То помогал Кире откалибровать какой-нибудь особо капризный датчик в машинном отделении, подавая ей инструменты и светя фонариком. То таскал ящики для Лиандры, которая решила провести полную инвентаризацию своей аптечки, пересчитывая каждую ампулу и бинт.

Даже на камбузе я стал незаменим. Я показывал Гюнтеру, как можно смешивать разные специи, чтобы синтетическая каша была не такой отвратительной.

– Гюнтер, попробуй добавить вот эту щепотку. Будет вкуснее, честно.

– Нарушение классической рецептуры номер триста двенадцать! – скрипел робот-повар. – Это недопустимо!

– Просто попробуй.

Робот-повар долго скрипел и ругался на «нарушение классических рецептов», но потом всё же принимал мои советы к сведению, бормоча что-то про «варварские, но на удивление эффективные методы».

Правда, одна моя инициатива была пресечена на корню. Однажды, когда капитан ненадолго отлучился с мостика, я решил, что вполне могу посидеть за штурвалом. Просто подержаться за него, почувствовать корабль. Я подошёл к капитанскому креслу, провёл рукой по его потёртой спинке. Но Семён Аркадьевич вернулся в самый неподходящий момент. Он не стал кричать. Просто подошёл, положил свою тяжёлую руку мне на плечо и тихо, но очень твёрдо сказал:

– Не спеши, Волков. Мостик – не проходной двор. Всему своё время.

И я понял, что это не просто запрет. В его голосе было что-то ещё. Какая-то отцовская строгость, смешанная с предостережением. Я молча кивнул и отошёл.

Но самым большим потрясением для нашего размеренного быта стал Гюнтер. Видимо, мои успехи на всех фронтах не давали ему покоя, и он решил доказать, что тоже является универсальным солдатом. В одно прекрасное утро он объявил, что разработал для нас «Optimales

Fitnessprogramm» – оптимальную фитнес-программу. И с этого дня наша жизнь превратилась в ад. Каждое утро этот хромированный самовар на колёсиках начинал гоняться за нами по коридорам, пытаюсь заставить делать приседания.

– Schneller, du faules Stück Fleisch! (Быстрее, ты, ленивый кусок мяса!) – дребезжал его динамик у меня за спиной, когда я пытался укрыться в машинном отделении. – Ваша мышечная масса уменьшилась на ноль целых три сотых процента! Das ist eine Katastrophe!

Однажды вечером я не мог уснуть и пошёл в обзорный зал. Там, у огромного иллюминатора, стояла Кира. Она смотрела на далёкое, едва заметное голубое пятнышко на фоне черноты. Туманность «Сад Гесперид». Наш пункт назначения.

– Красиво, правда? – тихо спросила она, не оборачиваясь. – Похоже на далёкий цветок, который распустился в пустоте.

– Да, красиво, – согласился я, подходя ближе.

Она помолчала, а потом вдруг заговорила о своём.

– Знаешь, я ведь не всегда буду летать на этой ржавой калоше. Я коплю деньги. Ещё пара рейсов, и я смогу вернуться домой. У меня там, на Гелиосе-3, родители остались. Там... там так хорошо, Влад. Огромные зелёные поля, до самого горизонта. И воздух... настоящий. Пахнет травой и дождём, а не этой рециркулированной дрянью. Я иногда закрываю глаза и прямо чувствую этот запах.

Она говорила с такой теплотой и нежностью, что я невольно ей позавидовал. У неё было то, чего у меня не было – прошлое. Воспоминания о доме, который её ждёт. А у меня за спиной была только пустота и страшный крик из ночного кошмара.

– Твоя планета, должно быть, очень красивая, – это было всё, что я смог выдать из себя.

В другой вечер я застал на мостике капитана. Он сидел в своём кресле один, пил из большой железной кружки чай и тоже смотрел на приближающуюся туманность. Она стала уже заметно больше и ярче, переливаясь синими и фиолетовыми оттенками.

– Не спится, Волков? – спросил он, не поворачиваясь.

– Что-то вроде того, капитан.

Он сделал большой глоток и тяжело вздохнул.

– Гоняться за призраками прошлого – опасное это дело, – вдруг сказал он в своей обычной, немного ворчливой манере. – Иногда, парень, лучше быть просто безымянным механиком на ржавом корыте, чем героем с великой тайной. Героев часто убивают. А механики просто чинят двигатели и пьют дешёвый чай.

Он повернул голову и посмотрел прямо на меня. Его взгляд был усталым, но твёрдым.

– Но раз уж ввязались, дойдём до конца. Не люблю бросать работу на полпути.

С этими словами он отвернулся обратно к звёздам. А я стоял и понимал, что этот суровый, вечно недовольный человек только что дал мне обещание. Он не бросит меня. Никто из них не бросит. И от этой мысли на душе стало немного теплее. Несмотря на холод космоса за бортом и ледяную пустоту в моей собственной памяти. Мы летели навстречу неизвестности, но мы летели вместе.

* * *

Дни тянулись медленно и неотличимо друг от друга. Космос за иллюминатором был всё тем же – чёрный бархат с россыпью далёких звёздных искр. Наш единственный ориентир – огромное голубое пятно впереди. Туманность «Сад Гесперид». Она медленно росла, становясь похожей на распускающийся в пустоте небесный цветок.

Всё случилось во время одной из таких скучных вахт. На мостике сидела только Кира и откровенно клевала носом. Я в это время был в своей каюте, пытаюсь медитировать, но мысли о

прошлом, которого я не помнил, лезли в голову. Вдруг по кораблю разнёсся тихий, мелодичный писк. Совсем не похожий на сигнал тревоги или вызов другого корабля.

Кира, которая от скуки уже почти заснула, тут же подорвалась. На экране её консоли мигала точка. Компьютер пометил её как «неопознанный источник когерентного излучения». Какая-то заумная фраза, которая, по сути, означала одно: что-то неизвестное подавало очень странный и упорядоченный сигнал.

– Кэп, Влад, Лиандра! – её голос по громкой связи был взволнованным и громким. – Все на мостик, быстро! Вы просто обязаны это услышать!

Через пару минут мы все уже стояли на мостике. Даже Гюнтер прикатил из камбуза, тихо поблёскивая хромированными боками. Семён Аркадьевич выглядел недовольным, будто его оторвали от чего-то очень важного.

Кира с горящими глазами нажала кнопку на своей консоли.

– Слушайте!

Из динамиков полилась музыка.

Но это была не просто музыка. Это была какая-то невероятная, чистая и очень сложная мелодия. Казалось, будто кто-то играет на хрустальном инструменте прямо посреди космоса. Звук был таким объёмным и живым, что, казалось, от него вибрировал даже пол под ногами.

– Что это за фокусы? – проворчал Семён Аркадьевич, хмуря густые брови. – Кто-то решил устроить нам концерт?

Но я его почти не слушал. Эта музыка... Я её откуда-то знал. Чувство было таким сильным, что по спине пробежали мурашки. Будто я слышал её в далёком детстве, которого не мог вспомнить. Она звала меня, тянула к себе, обещала, что я найду там ответы.

– Мы должны узнать, что это, – сказал я, не в силах оторвать взгляд от динамиков. Мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидал. – Нужно лететь к источнику.

Капитан посмотрел на меня так, будто я предложил ему выпрыгнуть в открытый космос без скафандра.

– Ты с ума сошёл? Сворачивать с курса из-за какой-то космической песенки? Волков, заруби себе на носу: в космосе ничего не бывает бесплатно. За такой музыкой обычно следует очень большой счёт. Так что летим дальше.

– Но, капитан, это может быть важно... – попытался я возразить.

– Я сказал, летим дальше! – отрезал он. – У меня график поставок и контракт, который я не собираюсь нарушать из-за твоих предчувствий.

Я посмотрел на него, потом на карту на главном экране. Мигающая точка сигнала была в стороне от нашего пути, где-то в глубине пояса астероидов. И в моей голове вдруг родилась совершенно сумасшедшая, но единственно правильная идея.

– Хорошо, – неожиданно для всех и для себя самого спокойно сказал я. – Кораблю не нужно менять курс. Я полечу один.

На мостике стало так тихо, что было слышно лишь переливы загадочной мелодии. Семён Аркадьевич медленно, как заржавевший робот, повернулся ко мне. На его лице застыло такое искреннее изумление, что я не удивился бы, если бы он приказал доктору Лиандре немедленно вколоть мне успокоительное.

– Это как это «один»? – наконец выдавил он. – На венике, что ли, полетишь?

– На своей спасательной шлюпке, – ответил я и достал планшет. Парой движений я вывел на его экран несколько чертежей. – Понимаете, перелёты у нас долгие, времени свободного много... А у Киры как раз нашлось немного запчастей, которые она хотела списать. В общем, я её немного улучшил.

Вся команда тут же сгрудилась вокруг моего планшета. На экране крутилась трёхмерная модель моей спасательной капсулы. Только это была уже не та ржавая консервная банка, в которой меня нашли. Сам не понимаю как, но я превратил её в маленький и юркий разведы-

вательный шаттл. Я укрепил корпус, поставил более мощные двигатели от старого погрузчика и, что самое главное, собрал из всякого хлама новый мощный сканер.

– Ты... ты... – Кира переводила взгляд с экрана на меня и обратно. В её глазах плясали восторженные огоньки. – Да ты же из спасательной капсулы сделал почти истребитель! Как ты это сделал? Эта система охлаждения! А инжекторы! Влад, это же просто гениально!

Капитан молчал. Он просто пялился на чертежи, и его лицо медленно наливалось знакомым мне багровым цветом.

– Я всё равно против, – прорычал он, но в его голосе уже не было той стальной уверенности. – Это грубейшее нарушение всех правил! Одному лететь в неисследованный сектор... это самоубийство!

И тут я нашёл свой последний, самый главный аргумент. Я посмотрел капитану прямо в глаза.

– Семён Аркадьевич, вы ведь тоже нарушили правила, когда подобрали меня. Это было не по курсу и не по уставу. Вы просто поступили правильно. А что, если там, откуда летит эта музыка, тоже кто-то, кому нужна помощь? Кто-то, кто, как и я тогда, остался совсем один в пустоте?

Капитан долго и тяжело смотрел на меня. Его суровый взгляд немного смягчился. Он посмотрел на карту, на мигающую точку, потом снова на меня. И наконец тяжело вздохнул, будто взваливая на себя ещё один неподъёмный груз.

– Ещё одного такого, как ты, Волков, мой старый корабль точно не выдержит... – проворчал он, отворачиваясь к иллюминатору. – Чёрт с тобой. Твоя взяла.

Он ткнул своим толстым пальцем в экран навигатора.

– Даю тебе три часа. Ровно три. Не вернёшься – мы улетаем. И это не обсуждается. И если ты, не дай бог, притащишь оттуда какую-нибудь тварь, которая захочет нами поужинать, – я тебя лично выкину в шлюз вместе с ней. Ты меня понял?

– Так точно, капитан, – я не смог сдержать улыбку.

Я развернулся и пошёл к выходу с мостика, направляясь в шлюзовую отсек, где меня ждал мой маленький, но теперь такой быстрый корабль. За спиной я слышал, как Кира восторженно засыпает капитана техническими вопросами, а тот лишь устало от неё отмахивается.

Впереди меня ждали астероиды и загадка, спрятанная в их глубине. И впервые за всё время я чувствовал, что лечу не прочь от своего прошлого, а навстречу ему.

Глава 6

Мой маленький шаттл, который я для себя назвал «Стрижом», очень резво летел сквозь пустоту. Управлять им было настоящим удовольствием. Он идеально слушался джойстика, а доработанные мной движки гудели так приятно и ровно, что я невольно улыбался. Это было моё творение. Я по-прежнему не помнил, как именно нужно собирать двигатели или паять сложные микросхемы, но мои руки всё помнили сами. И сейчас я наслаждался плодами их странной, необъяснимой памяти.

Вскоре я влетел в большое облако космического мусора. Вокруг меня в полной тишине медленно проплывали обломки старых спутников, куски какой-то обшивки, покрытые льдом, и просто безымянные железяки. Всё, что осталось от давно забытых кораблей и станций. Настоящее кладбище. А таинственная мелодия становилась всё громче и отчётливее, она вела меня в самую гущу этих обломков. Пришлось сосредоточиться, чтобы лавировать между астероидами и острыми, как бритва, осколками металла.

Наконец, мой улучшенный сканер пискнул, показывая, что источник сигнала совсем рядом. Я сбросил скорость и завис на месте. Прямо передо мной, зацепившись за покорёженную солнечную панель от какого-то древнего спутника, висел небольшой, гладкий объект. Он был сделан из тёмного, матового металла, который, казалось, просто впитывал в себя свет далёких звёзд. По форме он был похож на кристаллический камертон или на какой-то странный бумеранг из будущего. Я не видел на нём ни двигателей, ни источников питания. Просто кусок металла, который пел свою завораживающую песню на всю округу. Маячок.

Я осторожно подвёл «Стрижа» поближе и, используя манипулятор, аккуратно отцепил свою находку. Мелодия тут же оборвалась, и наступила звенящая тишина. Я положил артефакт в специальный контейнер для образцов и, не теряя ни секунды, развернул шаттл обратно к «Полярной Звезде».

Когда я вернулся на борт, меня уже встречали на мостике. Вся команда была в сборе. Я вошёл, держа в руках тёмный «камертон», и все уставились на меня так, будто я принёс с собой бомбу.

– Ну что, долетался, Колумб? – первым нарушил молчание Семён Аркадьевич, скрестив руки на своей широкой груди. – Я так и знал, что добром это не кончится. Что это за дьявольщина?

– Похоже на какое-то устройство слежения, – с опаской предположила Кира, разглядывая артефакт с безопасного расстояния. – Влад, ты уверен, что за ним никто не прилетит? Она выглядела по-настоящему встревоженной.

Я пожал плечами.

– Он был там один. Просто висел на обломке и пел.

В этот момент к нам подкатил Гюнтер. Его оптические сенсоры сфокусировались на предмете в моих руках.

– Ah! Ein unbekanntes Artefakt! Неизвестный артефакт! – проскрипел он своим ужасным механическим немецким акцентом. – Необходимо немедленно произвести сканирование на предмет биологической, радиационной и меметической угрозы! Effizienz und Sicherheit über alles! Эффективность и безопасность превыше всего!

Он выставил вперёд один из своих манипуляторов, из которого ударил тонкий луч синего света, и принялся сканировать мою находку. Мы все затаили дыхание. Через минуту Гюнтер убрал луч и задумчиво покрутил своими сенсорами-глазами.

– Sehr interessant... Очень интересно... – пробормотал он. – Dieser Gegenstand... он не зовёт кого-то. Он хочет... поделиться.

Прежде чем кто-либо из нас успел спросить, что, чёрт возьми, это значит, маячок в моих руках снова ожил. Он завибрировал, и из него снова полилась та самая музыка. Но теперь она звучала не из динамиков. Она звучала... везде. В моей голове, в костях, в самом воздухе. Она заполнила собой весь мостик, весь корабль, проникая, казалось, в самую душу.

И тут началось что-то совершенно невообразимое.

Кира, стоявшая у своего пульта, вдруг замерла. Её взгляд остановился на маленькой голографической фотографии, прикреплённой к панели. На ней была запечатлена зелёная, цветущая планета – её родной дом. Глаза Киры наполнились слезами, и она медленно осела на пол, закрыв лицо руками. Её плечи затряслись от беззвучных, горьких рыданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.